

Это означало, что молитвенная практика, тысячелетие процветавшая в монастырях и пустынях христианского Востока, напрасна. «Лествица», которую описал в VI в. Иоанн Синайский, не ведет на небо. Авва Дорофей (VI—VII вв.), Симеон Новый Богослов (XI в.), Григорий Синаит и сам Григорий Палама созерцали лишь свет собственных галлюцинаций — «символический» и «тварной».

Варлаам отнюдь не был неверующим. Авторитет Писания он ставил высоко, даже слишком высоко: это не пища для ума, это — беспрекословный авторитет.²⁴ Если так, т. е. если религия должна держаться только на авторитете Писания (подкрепляемом, конечно, средствами воздействия властей — церковных или светских), а не на церковном и личном опыте каждого (по крайней мере доступном каждому), то византийская церковь — и это не могли не понимать современники спора — нуждается в полной, внутренней и внешней структурной перестройке. Проще всего, разумеется, было это ей сделать, войдя составным элементом в «храм» римского католичества, готические контуры которого тогда достаточно явно вырисовывались.

Именно к этому — как к средству спасения от турок — и стремилась довольно крепкая при Палеологах придворная группировка, рассчитывая на военную помощь Византии католических государств. Другая партия, имевшая политическим вождем Иоанна Кантукузина, не допускала подчинения Византии Западу и в случае неуспеха политического возрождения Византии готова была (как это показали последующие события) из двух зол — католиков и турок — наименьшим считать турок. Гражданская война 1341—1347 гг. между этими двумя группировками подорвала последние силы Византии как государства и лишила ее последней возможности политического возрождения.

В богословских спорах победили защитники восточнохристианских традиций. Победа в гражданской войне их сторонника, Кантакузина, обеспечила им возможность за годы его последующего правления (1347—1354) пересмотреть и укрепить эти традиции, заново продумать, пополнить и популяризировать свою догматику, т. е. позволила возродиться и окрепнуть православию. Так что, когда вскоре затем (в 1367 г.) византийская церковь пригласила римско-католическую на диспут для выработки общих идеологических основ, последняя, осведомленная о происходящем на Востоке, предпочла не принять приглашение.²⁵

Существеннейшей чертой построенного Паламой философского базиса, которая затем специально была закреплена в православной догматике, было понятие энергии — «божественной энергии», которая пронизывает и животворит весь земной мир. Эта энергия является как бы посредствующим звеном между внемирной божественной сущностью и миром, людьми. Бог, писал Палама в своем исповедании веры, «обнаруживается не по сущности, ибо никто никогда божью природу не видел и не раскрыл, но по силе, благодати и энергии (*κατὰ τὴν δύναμιν καὶ τὴν χάριν καὶ τὴν ἐνέργειαν*), которая является общей отцу, сыну и духу. Особенное у каждого из них — ипостась каждого и что к ней относится; общее же — не только сверхъестественная сущность, совершенно неизменяемая, невыразимая и трансцендентная (*ἀμείθετος*), как сущая превыше всякого наименования, обнаружения и сопричастия, но и благодать, и сила, и энергия, и блеск (*ἡ λαμπρότης*), и царство, и бессмертие, и вообще все, через что

²⁴ См.: J. Meyendorff. Introduction, стр. 173.

²⁵ См.: J. Meyendorff. Projets de Concile Oecuménique en 1367. Un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le légat Paul. — *Dumbarton Oaks Papers* 14, 1960, стр. 147—177. (Далее: DOP).